

О.С. Напалкова

Тромбин как ключевой фермент гемостаза и его роль в атеросклерозе и воспалении

О.С. Напалкова, аспирант кафедры КДЛ с курсом молекулярной медицины¹, м.н.с. НИО кардиоангиологии²

В.Л. Эмануэль, д.м.н., проф., зав. кафедры КДЛ с курсом молекулярной медицины¹

С.В. Лапин, к.м.н., зав. лабораторией диагностики аутоиммунных заболеваний¹

М.А. Карпенко, д.м.н., проф., зам. директора по научно-лечебной работе²

Т.В. Вавилова, д.м.н., проф., зав. кафедры КДЛ²

Г.А. Березовская¹, к.м.н., с.н.с. НИЛ острого коронарного синдрома²

А.Н. Яковлев, к.м.н., зав. НИЛ острого коронарного синдрома²

В.А. Юдина, ассистент кафедры КДЛ, зав. КДЛ²

Е.Ю. Васильева, зав. ЦКДЛ, ассистент кафедры КДЛ²

В.Л. Эмануэль

М.А. Карпенко

Т.В. Вавилова

¹ГБОУ ВПО «Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова» (ПСПБГМУ) Минздрава России, г. Санкт-Петербург

²ФГБУ «Северо-Западный федеральный медицинский исследовательский центр имени В.А. Алмазова» (СЗФМИЦ) Минздрава России, г. Санкт-Петербург

Thrombin as key enzyme of hemostasis and its role in atherosclerosis and inflammation

O.S. Napalkova, V.L. Emanuel, M.A. Karpenko, T.V. Vavilova, G.A. Berезovskaya, A.N. Yakovlev, V.A. Yudina, E.U. Vasileva, S.V. Lapin

The First State Medical University of Saint-Petersburg n.a. I.P. Pavlov; the Federal North-West Medical Research Center n.a. V.A. Almazov, Saint-Petersburg, Russia

Резюме

В обзоре литературы представлены данные о роли тромбина в воспалении, атеросклерозе, миграции и пролиферации клеток. Описано исследование генерации тромбина как нового диагностического маркера состояний гиперкоагуляции.

Ключевые слова: тромбин, атеросклероз, воспаление, гиперкоагуляция.

Summary

The review of literature provides data on the role of thrombin in inflammation, atherosclerosis, migration and proliferation. The thrombin generation is researched as a new diagnostic marker of hypercoagulable state.

Key words: thrombin, atherosclerosis, inflammation, hypercoagulation.

Введение

Все больше внимания в последние годы уделяется изучению функций тромбина, ключевого фермента гемостаза. Тромбин — это уникальная сериновая протеаза, которая играет главную роль в системе свертывания, регулирует тонус сосудов, участвует в клеточной пролиферации и воспалении, и других биологических процессах.

Кроме своей основной роли в каскаде коагуляции, тромбин обладает множеством дополнительных эффектов, в том числе за счет воздействия на эндотелий и сосу-

дистую стенку. Тромбин действует на эндотелий посредством ферментативного протеолиза рецепторов PAR (protease-activated receptors, англ., протеазо-активируемые рецепторы). Эти рецепторы образуются семью доменами и сопряжены с G-белком. Как было обнаружено, PAR могут регулировать NO-синтазу, фосфорилируя ее в нескольких сайтах, тем самым модулируя тонус сосудистой стенки [1]. Экспрессия этих рецепторов увеличивается под действием липополисахарида, а также провоспалительных медиаторов IL-1 α , β , TNF- α [2, 3]. Длительная

инкубация с тромбином ингибирует NO-синтазу как при прямом воздействии, так и посредством увеличения активности аргиназы на эндотелиальных клетках, вызывая сосудосуживающий эффект [4–6]. Также тромбин способствует выработке простагландина (PGH₂), тромбоксана A₂ и эндотелина-1, что приводит к вазоконстрикции [7]. Однако в здоровых артериях краткосрочное воздействие тромбином имеет обратное действие, поддерживая вазодилатацию посредством активации синтеза NO и простагландинов (PGI₂).

Помимо действия на сосудистый тонус, тромбин также регулирует миграцию, пролиферацию и гипертрофию гладкомышечных клеток (ГМК). Эти клетки экспрессируют на своей поверхности PAR-1, -2 и -4, которые также являются мишенью для тромбина [8]. Повышение экспрессии PAR-1 на ГМК *in vivo* повышает выработку трансформирующего рогового фактора бета, фактора роста тромбоцитов, серотонина [9]. Таким образом, повышение экспрессии рецепторов семейства PAR в поврежденных сосудах усиливает проатерогенные свойства тромбина.

Тромбин повышает продукцию активных форм кислорода, способствуя перекисному окислению липидов и апоптозу. Он также увеличивает индукцию про-воспалительных интерлейкинов (IL-6, IL-8), хемоаттрактантов моноцитов (MCP-1, CCL2), молекул адгезии (VCAM-1, ICAM-1), тем самым облегчая миграцию моноцитов в очаг атеросклероза [10]. Тромбин увеличивает образование м-РНК, кодирующей MCP-1, CCL2, IL-1, TNF- α на ГМК. В опытах на мышах с экспериментальным перитонитом было показано, что у животных, которым вводился ингибитор тромбина гирудин, подавлялась адгезия макрофагов в ответ на введение липолисахарида. В этой же модели внутрибрюшинное введение очищенного тромбина вызывало повышение адгезии макрофагов и увеличение концентрации IL-6 и MCP-1 [11]. Посредством повышения экспрессии на эндотелии P-, L-, E-селектинов тромбин активирует миграцию моноцитов, нейтрофилов, T- и B-лимфоцитов [12]. Тромбин активирует факторы C3 и C5 системы комплемента, которые непосредственно принимают участие в хемотаксисе воспалительных клеток [13]. Так, у пациентов со стабильной ИБС и острым коронарным синдромом (ОКС) в очагах поражения тромбин обнаруживается в высокой концентрации и выступает как провоспалительный медиатор [14, 15].

Тромбин выполняет важнейшие функции как в сосудистом, так и в тромбоцитарном гемостазе. Под действием тромбина происходит ограниченный протеолиз фибрин-мо-

номеров. Этот фермент активирует факторы V, VIII, VII, XI, XIII свертывания крови, тромбоциты, в комплексе с тромбомодулином действует на протеин С. Состояние гиперкоагуляции является патогенетическим звеном внутрисосудистого тромбоза и атеросклероза. Тромбин является важнейшим прокоагулянтным белком, который находится в центре коагуляционного каскада и поддерживает состояние гиперкоагуляции. Морфологическое исследование материала атеросклеротических бляшек выявило, что активность протромбина, X и XII факторов выше на стадии образования липидных пятен и полосок по сравнению со стабильными бляшками покрытых фиброзной капсулой. Это исследование, как утверждают его авторы, позволяет рассмотреть по-новому роль коагуляционного гемостаза в атерогенезе и атеротромбозе [16]. Тканевой фактор, экспрессированный на клетках воспаления в атеросклеротической бляшке, способен активировать тромбин, вовлекая последний в атерогенез [17–18]. У ApoE-нокаутных мышей отмечается снижение активности атеросклеротического процесса в сонных артериях после введения им прямого ингибитора тромбина мелагатрана [19]. В недавно опубликованном исследовании было обнаружено, что повышение ультразвуковой плотности бляшки, по данным доплерографии, связано с повышением генерации тромбина и не зависит от липидной структуры бляшки [20].

Все изменения в каскаде плазменного гемостаза влияют на скорость генерации и количество активного тромбина. Поэтому метод определения генерации тромбина позволяет комплексно анализировать весь каскад образования фибринового сгустка, оценивая как прокоагулянтные, так и антикоагулянтные факторы. С точки зрения информативности, этот тест представляет практический интерес для выявления состояния гиперкоагуляции. Арсенал методов лабораторной оценки системы гемостаза велик, но, к сожалению, большинство из них нечувствительны к гиперкоагуляционным состояниям. Так, показатели рутинно использу-

ющихся клоттинговых тестов определения активированного частичного тромбопластинового, протромбинового и тромбинового времени чаще всего остаются неизменными даже при наступлении тромбоза [21]. Уровень фибриногена, активность фактора свертывания VIII и фактора Виллебранда ассоциированы с гиперкоагуляцией, но отражают лишь отдельные компоненты в ходе активации, а не процесс в целом [22]. В лабораторной практике для оценки гиперкоагуляции используются так называемые маркеры тромбинемии: уровень D-димера, тромбин-анти-тромбиновый комплекс, фрагменты протромбина F1+2. Повышение этих показателей свидетельствует об интенсивности образования ключевого энзима гемостаза тромбина, а повышение уровня D-димера — и об интенсивности расщепления фибрина плазмином. К сожалению, перечисленные выше показатели лишь косвенно оценивают тромбинемия [23].

Непосредственное измерение концентрации тромбина это исключительно трудная лабораторная задача из-за нестойкости и короткого времени жизни фермента. Однако еще в 1953 году R. Macfarlane и R. Biggs разработали комплексный тест оценки гемостаза посредством определения генерации тромбина (ГТ) [24]. В последующем группа исследователей под руководством H. Hemker видоизменила технологию и разработала автоматизированный метод определения ГТ одновременно в нескольких образцах плазмы крови, что стандартизовало и упростило оценку результатов [25]. В основе теста генерации тромбина лежит амидолитический принцип. Для детекции образования тромбина было предложено использовать специфичный, медленно реагирующий флюорогенный субстрат — пептид, меченный 7-амино-4-метилкумарином (ZGly-Gly-Arg-AMC) [26].

Модификация теста генерации тромбина (ГТТ) с тромбомодулином (ТМ) позволяет оценить работу системы протеина С. Эквивалентный (1 : 1) комплекс тромбин-тромбомодулин не вызывает превращения фибриногена в фибрин, увеличивает инактивацию тромбина антитром-

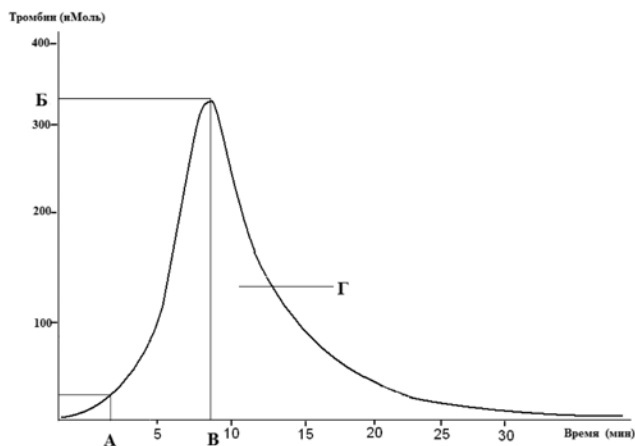

Рисунок 1. Кривая генерации тромбина и измеряемые параметры. Примечание: А — время инцициации свертывания, мин., (Lag time/LT); Б — пиковая концентрация тромбина, нМоль (Peak thrombin, Peakthr.); В — время достижения пиковой концентрации тромбина, мин., (Time to peak, †Peak); Г — эндогенный тромбиновый потенциал, нМоль/мин/, (ETP).

бином III и многократно ускоряет активацию протеина С. Таким образом, измерение ТГТ с ТМ позволяет оценить физиологическую работу антикоагулянтной системы протеина С.

Типичный вид кривой ГТ и измеряемые параметры ТГТ представлены на рис. 1.

На сегодняшний день существуют полностью автоматизированные анализаторы, использующие как флуориметрический, так и хромогенный методы измерения ГТ. Для определения эндогенного тромбинового потенциала в хромогенном методе используется кинетика конверсии медленно реагирующего синтетического тромбинового субстрата и определяется по высвобождению хромогена в образце обедненной тромбоцитами плазмы. Таким образом, современно развивающиеся технологии измерения генерации тромбина открывают возможность рутинно использовать этот тест в лабораториях [27].

Накоплен значительный опыт использования оценки генерации тромбина в клинической практике при разных состояниях. Увеличение генерации тромбина наблюдается при хронических заболеваниях легких [28], ожирении и диабете [29–31], ревматоидном артрите [32], курении, гипертензии [33]. Показано, что снижение веса приводит к снижению ГТ [34]. Также было установлено, что у пациентов с ОКС ГТ повышена в момент госпитализации и через шесть месяцев после выписки по сравнению

с группой контроля [35]. В другом исследовании было обнаружено, что концентрация аполипопротеина С-III, равная или более 10,5 мг, у пациентов с ИБС увеличивает риск смертности от сердечно-сосудистых событий в следующие пять лет после реваскуляризации миокарда. Такая концентрация положительно коррелирует с повышением ГТ [36].

В другом исследовании было показано, что у пациентов на фоне ОКС выявляется характерный протромботический профиль за счет повышения генерации тромбина, фактора VIII и снижения антиромбина III. Авторы считают, что изменения этих факторов определяют переход стабильной формы в нестабильную форму стенокардии [37]. Эти исследования подтверждают роль тромбинемии в развитии острых коронарных событий, а также неблагоприятных исходов реваскуляризации.

В результате проведенной ранее работы нами были обследованы в динамике 37 пациентов со стабильной ИБС, перенесших плановое чрескожное коронарное вмешательство (ЧКВ) в условиях кардиологического стационара СЗФМИЦ имени В. А. Алмазова [38].

В итоге наблюдения пациентов с ИБС после ЧКВ в динамике было выявлено достоверное повышение показателей ТГТ на 1–3 сутки реваскуляризации миокарда ($p < 0,05$). Такое состояние гиперкоагуляции, наблюдаемое в ранние сроки после оперативного вмешательства, возникает в результате воспаления и повреждения эндотелия. Эти патофизиологические процессы играют ключевую роль в образовании тромба внутри стента после ЧКВ и могут быть причиной ранних осложнений интраваскулярного вмешательства [10, 39–42].

Активация коагуляционного гемостаза на 1–3 сутки после ЧКВ, выяв-

ленная с помощью ТГТ, при нормальных результатах других тестов, в том числе АЧТВ, протромбинового индекса, D-димера, антиромбина III, говорит о том, что метод исследования генерации тромбина высокочувствителен в диагностике гиперкоагуляции. Однако мы не обнаружили значимых различий по показателям ТГТ между пациентами со стабильной ИБС и группой здоровых доноров, это обуславливает необходимость дальнейшего поиска методов диагностики нарушения системы гемостаза при атеросклерозе.

Список литературы

1. Watts V. L. and Motley E. D. Role of protease-activated receptor-1 in endothelial nitric oxide synthase-Thr495 phosphorylation. *Exp. Biol. Med.* (Maywood), 2009. 234 (2): p. 132–9.
2. Nysted S., Ramakrishnan V. and Sundelin J. The proteinase-activated receptor 2 is induced by inflammatory mediators in human endothelial cells. Comparison with the thrombin receptor. *J. Biol. Chem.*, 1996. 271 (25): p. 14910–5.
3. Mactough S. C., et al. Diaryl ether inhibitors of farnesyl-protein transferase. *Bioorg. Med. Chem. Lett.*, 2001. 11 (10): p. 1257–60.
4. Eto M., et al. Thrombin suppresses endothelial nitric oxide synthase and upregulates endothelin-converting enzyme-1 expression by distinct pathways: role of Rho/ROCK and mitogen-activated protein kinase. *Circ. Res.*, 2001. 89 (7): p. 583–90.
5. Ming X. F., et al. Rho GTPase/Rho kinase negatively regulates endothelial nitric oxide synthase phosphorylation through the inhibition of protein kinase B/Akt in human endothelial cells. *Mol. Cell Biol.*, 2002. 22 (24): p. 8467–77.
6. Ming X. F., et al. Thrombin stimulates human endothelial arginase enzymatic activity via RhoA/ROCK pathway: implications for atherosclerotic endothelial dysfunction. *Circulation*, 2004. 110 (24): p. 3708–14.
7. Delerive P., et al. Peroxisome proliferator-activated receptor activators inhibit thrombin-induced endothelin-1 production in human vascular endothelial cells by inhibiting the activator protein-1 signaling pathway. *Circ. Res.*, 1999. 85 (5): p. 394–402.
8. McNamara C. A., et al. Thrombin stimulates proliferation of cultured rat aortic smooth muscle cells by a proteolytically activated receptor. *J. Clin. Invest.*, 1993. 91 (1): p. 94–8.
9. Schini-Kerth V. B., et al. Aggregating human platelets stimulate the expression of thrombin receptors in cultured vascular smooth muscle cells via the release of transforming growth factor-beta1 and platelet-derived growth factor AB. *Circulation*, 1997. 96 (11): p. 3888–96.
10. Borisoff J. I., et al. Is thrombin a key player in the 'coagulation-atherogenesis' maze? *Cardiovasc. Res.*, 2009. 82 (3): p. 392–403.
11. Szaba F. M. and Smiley S. T. Roles for thrombin and fibrin(ogen) in cytokine/chemokine production and macrophage adhesion in vivo. *Blood*, 2002. 99 (3): p. 1053–9.
12. Davies M. J., et al. The expression of the adhesion molecules ICAM-1, VCAM-1, PECAM, and E-selectin in human atherosclerosis. *J. Pathol.*, 1993. 171 (3): p. 223–9.
13. Huber-Lang M., et al. Generation of C5a in the absence of C3: a new complement activation pathway. *Nat. Med.*, 2006. 12 (6): p. 682–7.

14. Hatton M. W., Moar S. L. and Richardson M. Deendothelialization in vivo initiates a thrombogenic reaction at the rabbit aorta surface. Correlation of uptake of fibrinogen and antithrombin III with thrombin generation by the exposed subendothelium. *Am. J. Pathol.*, 1989. 135 (3): p. 499–508.
15. Merlini P. A., et al. Persistent activation of coagulation mechanism in unstable angina and myocardial infarction. *Circulation*, 1994. 90 (1): p. 61–8.
16. Borissoff J. I., et al. Early atherosclerosis exhibits an enhanced procoagulant state. *Circulation*, 2010. 122 (8): p. 821–30.
17. Smith E. B., Fibrin deposition and fibrin degradation products in atherosclerotic plaques. *Thromb. Res.*, 1994. 75 (3): p. 329–35.
18. Bini A., et al. Identification and distribution of fibrinogen, fibrin, and fibrin(ogen) degradation products in atherosclerosis. Use of monoclonal antibodies. *Arteriosclerosis*, 1989. 9 (1): p. 109–21.
19. Bea F., et al. Melagatran reduces advanced atherosclerotic lesion size and may promote plaque stability in apolipoprotein E-deficient mice. *Arterioscler. Thromb. Vasc. Biol.*, 2006. 26 (12): p. 2787–92.
20. With Noto A. T., et al. Increased thrombin generation in persons with echogenic carotid plaques. *Thromb Haemost.*, 2008. 99 (3): p. 602–8.
21. Hemker H. C., Al Dieri R. and Beguin S. Thrombin generation assays: accruing clinical relevance. *Curr. Opin. Hematol.*, 2004. 11 (3): p. 170–5.
22. van Veen J. J., Gaff A. and Makris M., Thrombin generation testing in routine clinical practice: are we there yet? *Br. J. Haematol.*, 2008. 142 (6): p. 889–903.
23. Ю. А. Наместников, О. Г. Головина, О. Ю. Матвиенко, А. Е. Николаева, Е. А. Хаит, Л. П. Папаян, Условия постановки теста генерации тромбина для выявления состояний гиперкоагуляции. *Клиническая лабораторная диагностика*, 2011. 7.
24. Macfarlane R. G. and Biggs R. A thrombin generation test; the application in haemophilia and thrombocytopenia. *J. Clin. Pathol.*, 1953. 6 (1): p. 3–8.
25. Hemker H. C., et al. The thrombogram: monitoring thrombin generation in platelet-rich plasma. *Thromb. Haemost.*, 2000. 83 (4): p. 589–91.
26. Hemker H. C., et al. The calibrated automated thrombogram (CAT): a universal routine test for hyper- and hypocoagulability. *Pathophysiol. Haemost. Thromb.*, 2002. 32 (5–6): p. 249–53.
27. О. Н. Соловьев, Т. И. Петренко, Глобальный тест оценки состояния системы гемостаза-эндогенный потенциал тромбина. *Медицинский алфавит. Современная лаборатория*, 2013. 4: p. 41–42.
28. Undas A., et al. Thrombin generation in chronic obstructive pulmonary disease: dependence on plasma factor composition. *Thromb. Res.*, 2011. 128 (4): p. e24–8.
29. Beijers H. J., et al. Body composition as determinant of thrombin generation in plasma: the Hoorn study. *Arterioscler. Thromb. Vasc. Biol.*, 2010. 30 (12): p. 2639–47.
30. Tripodi A., et al. Hypercoagulability in patients with type 2 diabetes mellitus detected by a thrombin generation assay. *J. Thromb. Thrombolysis*, 2011. 31 (2): p. 165–72.
31. Fritsch P., et al. Haemostatic alterations in overweight children: associations between metabolic syndrome, thrombin generation, and fibrinogen levels. *Atherosclerosis*, 2010. 212 (2): p. 650–5.
32. Undas A., et al. Thrombin generation in rheumatoid arthritis: dependence on plasma factor composition. *Thromb Haemost.*, 2010. 104 (2): p. 224–30.
33. Rudez G., et al. Effects of ambient air pollution on hemostasis and inflammation. *Environ Health Perspect*, 2009. 117(6): p. 995–1001.
34. Ay L., et al. Thrombin generation in morbid obesity: significant reduction after weight loss. *J. Thromb Haemost.*, 2010. 8 (4): p. 759–65.
35. Skeppholm M., et al. Is fibrin formation and thrombin generation increased during and after an acute coronary syndrome? *Thromb Res.*, 2011. 128 (5): p. 483–9.
36. Olivieri O., et al. Apolipoprotein C-III predicts cardiovascular mortality in severe coronary artery disease and is associated with an enhanced plasma thrombin generation. *J. Thromb Haemost.*, 2010. 8 (3): p. 463–71.
37. Brummel-Ziedins K., et al. Thrombin generation in acute coronary syndrome and stable coronary artery disease: dependence on plasma factor composition. *J. Thromb Haemost.*, 2008. 6 (1): p. 104–10.
38. Напалкова О. С., Эмануэль В. Л., Карпенко М. А., Березовская Г. А. Тест генерации тромбина в динамике у пациентов, перенесших чрескожное коронарное вмешательство. *Клиническая лабораторная диагностика*, 2015. 4: p. 40–45.
39. Gomes W. J. and Buffolo E. Coronary stenting and inflammation: implications for further surgical and medical treatment. *Ann. Thorac. Surg.*, 2006. 81 (5): p. 1918–25.
40. Gaspardone A. and Versaci F. Coronary stenting and inflammation. *Am. J. Cardiol.*, 2005. 96 (12A): p. 65L–70L.
41. Borissoff J. I., Spronk H. M. and ten Cate H., The hemostatic system as a modulator of atherosclerosis. *N. Engl. J. Med.*, 2011. 364 (18): p. 1746–60.
42. Esmon C. T. The interactions between inflammation and coagulation. *Br. J. Haematol.*, 2005. 131 (4): p. 417–30.

Парма Диагностика Россия

- Высокая скорость поставки в любую точку России
- Уверенность в качестве исследований благодаря многоступенчатой системе контроля
- Современный уровень обслуживания и поддержки, предоставляемый клиенту на каждом этапе работы

РЕАКТИВЫ ДЛЯ БИОХИМИИ

ЭНЗИМЫ
СУБСТРАТЫ
ЭЛЕКТРОЛИТЫ
ЛИПИДЫ

Санкт-Петербург, 194044
Б. Сампсониевский пр., 32
тел./факс: +7 (812) 324-27-78
тел./факс: +7 (812) 324-59-60
info@parma-d.ru

Москва, 129075
ул. Шереметьевская, 85, стр. 2
тел./факс: +7 (495) 787-44-01
moscow@westmedica.com

www.parma-d.ru
www.westmedica.com